

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 94(47):24-7(049.32)

Рец. на: Курапов А. А. Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX в. / отв. ред. А. В. Цюрюмов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с.

*Степан Викторович Джунджузов*¹

¹ Оренбургский государственный педагогический университет (д. 19, Советская ул., 460014 Оренбург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент
 0000-0001-8937-5690. E-mail: Djund@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Джунджузов С. В., 2020

Для цитирования: Джунджузов С. В. Рец. на: Курапов А. А. Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX в. / А. А. Курапов; отв. ред. А. В. Цюрюмов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с. // Монголоведение. 2020. № 1. С. 188-194. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-188-194.

UDC 94(47):24-7(049.32)

Book Review: Kurapov A. A. [Russian Government and Buddhist Church in Southern Russia: Stages in the Evolution of Sociopolitical Interaction, 17th to Early 20th Centuries]. A. V. Tsyuryumov (ed.). Astrakhan: R. V. Sorokin, 2018. 464 p.

*Stepan V. Dzhundzhuzov*¹

¹ Orenburg State Pedagogical University (19, Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
 0000-0001-8937-5690. E-mail: Djund@yandex.ru

For citation: Dzhundzhuzov S. V. Book Review: Kurapov A. A. [Russian Government and Buddhist Church in Southern Russia: Stages in the Evolution of Sociopolitical Interaction, 17th to Early 20th Centuries]. A. V. Tsyuryumov (ed.). Astrakhan: R. V. Sorokin, 2018. 464 p. *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 188–194. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-188-194.

Монография А. А. Курапова посвящена проблеме, весьма значимой как для российской исторической науки, так и для общества в целом. Большинство калмыков, бурят и тувинцев считают тибетский буддизм своей национальной религией. В последние десятилетия его приверженцы появляются и среди других народов России. Однако в целом граждане Российской Федерации и их представители во властных структурах имеют крайне поверхностное представление о буддизме и его истории. Работа А. А. Курапова призвана повысить интерес к конфессиональной истории России, содействовать таким важным компонентам гражданского общества, как толерантность, веротерпимость, уважение религиозных прав человека. Результаты исследований в области взаимодействия государства и буддийской церкви должны учитываться и органами государственного управления, в компетенцию которых входит разработка нормативно-правовой базы и ответственность за реализацию конфессиональной политики.

Не вызывает сомнений и научная актуальность представленной монографии. Исследование, проведенное А. А. Кураповым, призвано ликвидировать существенный историографический пробел, связанный с установлением контактов, налаживанием диалога правительства с иерархами буддийского духовенства, пользовавшимся непререкаемым авторитетом в калмыцком народе. Автором выделены этапы эволюции вероисповедной политики России в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования охватывают длительный, более чем трехсотлетний, период пребывания калмыков в подданстве Российского государства. Обоснование нижней хронологической границы началом XVII в. связано с переходом торгутов в пределы России и последовавшим затем образованием калмыцкой государственности. Несколько размытой выглядит верхняя датировка — начало XX в. Ее обоснованность автор обуславливает оценочными суждениями: «с окончательной интеграцией буддийской церкви калмыков в российский региональный государственный аппарат, с формированием системы конструктивных контактов с Российским государством» [Курапов 2018: 2].

Столь продолжительная хронологическая заданность исследования позволила выявить и проследить особенности и закономерности процессов встраивания буддийской церкви в этноконфессиональное пространство Юга России, выявить степень ее зависимости от государственной власти, показать изменение представлений о буддизме как о варварском, языческом вероучении, до признания буддийской церкви на высшем государственном уровне в качестве одной из иноверческих церквей Российской империи.

Достаточно пространно А. А. Курапов определяет территориальные рамки исследования. Такой подход представляется вполне обоснованным с учетом

неопределенности границ Калмыцкого ханства, ведь еще в 30-е гг. XVIII в. летние кочевья улуса Доржи Назарова могли находиться на реке Самаре. После откочевки в 1771 г. значительной части калмыков в Китай местом кочевий основной части калмыцкого народа становится Калмыцкая степь, на население которой, прежде всего, было ориентировано имперское законодательство по управлению калмыками. Административно-правовой статус Калмыцкой степи как части Астраханской губернии окончательно определился в начале XIX в. Калмыки, исповедовавшие буддизм, также проживали за пределами Калмыцкой степи. Большедербетовский улус оказался в Ставропольской губернии, донские калмыки-казаки обосновались в Калмыцком (Сальском) округе Области Войска Донского.

Новизна исследования характеризуется вводом в научный оборот ранее неопубликованных архивных материалов. На их основе были проанализированы и представлены авторские выводы по проблемам, охватывающим эволюцию отношений Российского государства к буддийской церкви калмыков в XVII – начале XX в.; политическую ситуацию внутри самой буддийской церкви калмыков; влияние сторонников и противников российской ориентации среди буддийского духовенства. Автор дает собственную, как он подчеркивает, «оригинальную», трактовку участия буддийского духовенства в основных социально-политических кризисах в калмыцких улусах в XVIII–XIX вв., а также доказывает, что российская ограничительная политика в отношении буддийской церкви в Калмыцкой степи в рассматриваемый период носила изменчивый, эволюционный характер.

А. А. Курапов подробно анализирует степень изученности избранной темы. Изложение историографии проблемы построено автором по хронологическому принципу, в соответствии с которым труды предшественников поделены им на группы, включающие литературу дореволюционного, советского и современного российского периодов. Несомненным достоинством историографического обзора является уважительное отношение автора к трудам дореволюционных и советских историков. Первые внесли значительный вклад в изучение буддийской традиции калмыцкого народа, вторые — Н. Н. Пальмова, И. Я. Златкина, М. Л. Кичикова и другие — обеспечили введение в научный оборот большого массива архивных документов, разрабатывали методики критического анализа исторических источников.

Интерес к истории и культуре буддийской церкви в Калмыкии заметно активизировался в 1990-е гг. С этого времени церковь стала рассматриваться как важнейший институт гражданского общества. Одним из последствий такого внимания стало превращение «истории церкви» в ведущее направление отечественной историографии. Рядом крупных монографических исследований пополнилась в последние десятилетия литература, посвященная истории буддийской церкви на Юге России. А. А. Курапов подчеркивает, что историографическую основу для его монографии обеспечили труды известных специалистов этого направления: М. М. Батмаева, В. И. Колесника, А. В. Цюрюмова, Е. В. Дорджиевой, Э. П. Бакаевой, Б. У. Китинова.

Определяющим качественным показателем для научной работы по истории является полнота ее источниковой базы. А. А. Кураповым был собран, проана-

лизирован колоссальный массив архивных материалов из десяти центральных и региональных архивов. В общей сложности он составил свыше 200 дел, сосредоточенных по 30 архивным фондам. Специалисты по дореволюционной истории, особенно ранних ее периодов, хорошо знают, насколько трудно бывает разобрать почерк, понять и объяснить смысл отдельных слов и предложений. В результате изучения как неопубликованных, так и опубликованных, но поверхностно проанализированных источников автор обнаружил, как он сам это поясняет, много «исторических штампов, неточностей и пробелов, вызванных слабой источниковой базой предыдущих исследований» [Курапов 2018: 54].

Своеобразным итогом источниковедческих изысканий автора стал обзор архивных фондов с кратким содержанием представленных в них тематических материалов. Его значение, на наш взгляд, не ограничивается одним лишь экскурсом для данного издания. Он также может служить «путеводителем» для будущих историков в поиске архивных материалов по истории буддийской церкви калмыков и другим проблемам истории калмыцкого народа и его государственности.

Изложение событийной части своего исследования А. А. Курапов логично начинает с рассмотрения причин и условий распространения буддизма среди ойратов. Основываясь на монографии А. М. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» [Позднеев 1887] и сопоставляя содержащуюся в ней информацию с собранными источниками, он выделил общие черты и особенности организации буддийской церкви в Калмыцком ханстве. Весьма ценным для историографической полемики может стать замечание автора о том, что утверждения о распространении нескольких буддийских школ, наличии монастырей разных традиций у калмыков и, соответственно, политической конкуренции и борьбе между ними представляются весьма спорными. Изученные им архивные документы не содержат сведений о взаимодействии с Российским государством представителей каких-либо буддийских традиций, кроме Гелуг [Курапов 2018: 89].

К сожалению, автор не стал строго придерживаться этого тезиса и в конце параграфа 2.2, без ссылок на документальные источники, указал, что «в калмыцкой буддийской церкви отмечается сосуществование нескольких тибетских школ при доминировании Гелуг» [Курапов 2018: 92].

Критическое отношение автора к выводам предшественников и предложение собственной трактовки событий — отличительная и, безусловно, положительная черта рассматриваемой работы. Так, А. А. Курапов поставил под сомнение бытующее еще с XVIII в. мнение о якобы имевшем место отказе тайши Данчина принять в 1650 г. ханский титул от Далай-ламы, а вслед за ним и рассуждения о причинах, давших основания к такому отказу. Отказ Дайчина от ханского титула исследователь называет «исторической легендой». Напротив, он указывает на предопределенность получения Данчином титула хана, так как этот «статус закреплял его политическое доминирование в Калмыцком ханстве и позволял активизировать дипломатические контакты» [Курапов 2018: 107].

В широком информационном потоке автору удалось вычлениить сведения, раскрывающие активное участие буддийского духовенства во всех значитель-

ных переговорах между джунгарскими правителями и калмыцкими тайшами в первой половине XVII в. В дальнейшем и российское правительство, осведомленное о влиянии клира на светскую власть в Калмыцком ханстве, приветствовало участие буддийских первосвященников в переговорном процессе. К такому заключению подводит представленный анализ шертных записей. Со временем в них в обязательном порядке стали включаться клятвы с атрибутами буддийского учения.

Доминирующее влияние буддийское духовенство оказывало на политику Калмыцкого ханства в XVIII в., вплоть до переселения калмыков в Китай в 1771 г. А. А. Курапов рассмотрел непростую геополитическую ситуацию, сложившуюся в результате «борьбы интересов» региональных держав: России, Китая и Джунгарии. Одним из определяющих факторов, влиявших на внешнеполитическую линию Калмыцкого ханства, являлось обеспечение безопасности путей для паломничества в Тибет. На этом основании был правомерно затронут вопрос калмыцко-китайских отношений в начале XVIII в. и сделан вывод, что для упорядочения паломничества и упрочения политических связей с Тибетом клерикальная элита Калмыцкого ханства была ориентирована на конструктивные отношения с китайским правительством. Со своей стороны Российское правительство стремилось легитимировать и ограничить паломнические поездки калмыков, не без основания видя в них угрозу калмыцко-китайского сближения.

Главной миссией Шакур-ламы, назначенного в 1719 г. Далай-ламой первосвященником, как это утверждается в историографии, являлась подготовка и осуществление откочевки торгутов из Калмыцкого ханства в Джунгарию. Основываясь на этом положении, автор в анализе деятельности Шакур-ламы подчеркивает, что поставленная перед ним задача могла быть реализована «лишь при условии активных политических контактов и сотрудничества с правительством России» [Курапов 2018: 130]. Кажущуюся на первый взгляд противоречивость такого утверждения А. А. Курапов снимает в процессе детального рассмотрения деятельности первосвященника, настоявшего на передаче ханского престола не пользовавшемуся авторитетом младшему сыну Аюки хана, Церен-Дондуку. Союз с Россией, определенный исследователем как временный, нужен был Шакур-ламе для объединения калмыков под своей властью. Однако первосвященнику так и не удалось примирить Церен-Дондука с оппозиционно настроенными владельцами, и, более того, как представитель Тибета он сам столкнулся с противодействием автохтонного калмыцкого духовенства. В целом рассмотрение междоусобиц в Калмыцком ханстве 20–30-х гг. XVIII в. в контексте политической линии клерикальной элиты имеет важное историографическое значение.

Автором был выявлен ряд характерных черт и особенностей, формирующих целостное представление о влиянии буддийской церкви на социально-политическую обстановку внутри Калмыцкого ханства и его внешнеполитических приоритетов, относящихся к последним трем десятилетиям калмыцкой государственности. Следуя традиции, буддийское духовенство продолжало привлекаться в состав дипломатических миссий. Российское правительство использовало авторитет буддийского духовенства для стабилизации обстанов-

ки в ханстве в периоды кризисов. Для предотвращения сепаратизма внутри самой церкви Российское государство под разными предлогами экстрадировало неблагонадежных священнослужителей из пределов ханства. «Последней услугой» клерикальной элиты Калмыцкого ханства стало посредничество ее представителей к склонению джунгарских калмыков (алтайских теленгитов) к вступлению в русское подданство.

А. А. Курапов не обнаружил источников, прямо указывающих на участие буддийского духовенства в организации откочевки калмыков в Китай в 1771 г. Однако в том, что такое участие имело место, автор не сомневается. Во внешней политике оно проявилось в агитации откочевки в пределы Китайской империи. Китайское правительство обещало расселить калмыков на территории, освободившейся после разгрома Джунгарского ханства и уничтожения большей части его населения. Духовная элита Калмыцкого ханства осознавала, что территориальная экспансия России могла в скором будущем обернуться сокращением принадлежавших ей кочевых земельных угодий. Беспокойство буддийского клира вызывала проводимая российскими властями политика христианизации и стремление государства установить тотальный контроль над буддийским духовенством.

После «великого калмыцкого исхода» 1771 г. в России осталось не более трети калмыцкого населения. Ханство было упразднено. Калмыцкая степь превратилась во «внутреннюю окраину» в составе Астраханской губернии. В XIX в. светская и духовная элиты калмыков перестают привлекаться к разработке законопроектов, регламентирующих правовое положение и управление калмыцким народом. Однако в отличие от китайских калмыков за проживавшими в низовьях Волги калмыками были сохранены и закреплены достаточно существенные полномочия в области местного самоуправления, а также организации и деятельности буддийской конфессии. В связи с этим *представляется некорректной представленная автором интерпретация мнения Комитета министров о передаче калмыков под юрисдикцию МВД в целях «...приспособить сей народ к общему составу обитателей России» как стремление к их ассимиляции и русификации* [Курапов 2018: 277]. На наш взгляд, правительственная политика была направлена на последовательную аккультурацию и интеграцию калмыков в социокультурное и экономическое пространство России. Собственно, последние главы книги и выводы автора — лучшее тому доказательство.

Централизация управления буддийской церковью, назначение и утверждение правительством лам имели и положительное значение. Ограничивалось вмешательство духовенства в политику. В книге приводится немало фактов неблагоприятной роли клира в развязывании конфликтов между властными группировками и поддержки сепаратистских настроений в калмыцком обществе. То же самое можно сказать и о стремлении правительства к сокращению штатов священнослужителей. Их содержание ложилось тяжелым бременем на калмыцкий народ. Огромных затрат требовало проведение свадебных и особенно погребальных обрядов. Еще более отягощало экономическое положение простолюдинов наличие не поддававшихся государственному учету нештатных священнослужителей и нештатных буддийских монастырей (хурулов). В основ-

ных положениях государственная политика в отношении буддийской церкви мало чем отличалась от политического курса, проводимого в отношении других иноверных конфессий.

Литература

- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX в. / отв. ред. А. В. Цюрюмов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. 464 с.
- Позднеев 1887 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу [электронный ресурс] // СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. 492 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/8926-pozdneev-a-m-ocherki-byta-buddiyskih-monastyrey-i-buddiyskogo-duhovenstva-v-mongolii-v-svyazi-s-otnosheniem-sego-poslednego-k-narodu-spb-1887> (дата обращения: 23.12.2019)

References

- Kurapov A. A. [Russian Government and Buddhist Church in Southern Russia: Stages in the Evolution of Sociopolitical Interaction, 17th to Early 20th Centuries]. A. V. Tsyuryumov (ed.). Astrakhan: R. V. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. [Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia, in the Context of Their Relation to the People]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1887. 492 p. Available at: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/8926-pozdneev-a-m-ocherki-byta-buddiyskih-monastyrey-i-buddiyskogo-duhovenstva-v-mongolii-v-svyazi-s-otnosheniem-sego-poslednego-k-narodu-spb-1887> (accessed: December 23, 2019). (In Russ.)